

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.Г. Шейдаева

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ НЕ ПИШУТ ЗАПРОСТО, КАК ГОВОРЯТ?

В название статьи вынесены слова героя повести В.И. Даля «Бедовик» (1839): «Для чего люди не пишут за просто, как говорят, и выбиваются из сил, чтобы исказить и язык, и смысл! Почему и за что проклятие безграмотства доселе еще тяготеет на девяти десятых письменных и как это объяснить, что люди, которые говорят на словах очень порядочно, иногда даже хорошо, по крайней мере, чистым русским языком, и рассуждают довольно здраво, как будто перерождаются, принимаясь за перо, пишут бестолочь и бессмыслицу, не умеют связать на бумаге трех слов и двух мыслей и ни за какие блага в мире не могут написать самую простую вещь так, как готовы во всякое время пересказать ее на словах? Почему это общий наш недостаток, что мы пишем гораздо хуже, чем говорим, и исключения из этого общего правила так редки?»¹.

Что изменилось сейчас? Пожалуй, лишь то, что в наше время «бестолочь и бессмыслицу» не только пишут, но и говорят. Языковая невнятица давно стала привычным явлением во всех сферах общения – политической («Мы это делали, делаем и будем делать, но делать надо больше», – из речи известного политика), общественной («Сотрудничество в соитии с другими направлениями творческой жизни продолжает расширяться и углубляться, ибо наше гармоничное развитие бесконечно, как пространство и время», – из программы общественной организации «Истоки» в Удмуртской Республике, 2000 г.), образовательной («У каждого человеческого разума рождается всегда какая-либо мысль, которую кто-то воплощает в жизнь, а кто-то оставляет ее при себе», – из ответа на едином государственном экзамене по русскому языку, Ижевск), художественной («Семь дней на неделе, / И семь звезд в венце. / Уже отзвучали / Романсы в душе», – из сборника стихов издательства «Тодон», 1997), в сфере массовой коммуникации («Что в ваших силах сделать для минимизации возникшей проблемы?» – из интервью корреспондента газеты «Удмуртская правда», 2003 г.), научной («Поэтика Бунина подтверждает способность наречия к многогранному конципированию предме-

та», – из автореферата кандидатской диссертации по русскому языку, 2002) и др.

Как писал И.А. Бунин, «распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса идет в литературе уже давно»². Так что явление это не новое, а связано оно с отражением в языке изменений в жизни российского общества. Под влиянием разнородных социальных факторов (использование языка представителями разных социальных слоев и групп, расширение состава говорящих на русском литературном языке, демократизация, отмена цензуры и др.) языковые нормы нарушаются в речи отдельных носителей русского языка, целых групп населения и, в результате, изменяются. Данные процессы объективны и неостановимы. И все же место им – в речевой стихии. Не случайно люди обычно обращают мало внимания на ошибки в речи, а лингвисты говорят об особых правилах построения разговорной речи, отличных от норм книжного языка. Нарушение норм в письменном тексте всегда порицалось обществом, поскольку текст хранит и передает культуру. И уж если взялся писать – пиши грамотно.

Современные СМИ – особая социально-информационная система. Для речевых сообщений в информативной коммуникации предписаны точность, прозрачность, недвусмысленность, возможность однозначной интерпретации, исключение субъективной эмотивности³. Однако именно коммуникативной прозрачности нередко недостает текстам, рассчитанным на массового адресата. Газетные и телевизионные репортажи зачастую настолько «непрозрачны» для рядового получателя, что попадают на зашифрованные послания. Любая информация во время ее передачи подвергается дезорганизации и доходит до получателя в менее ясном виде, чем была послана, а наиболее заметной помехой, как отмечают исследователи, является «перегрузка сообщения незнакомыми сигналами»⁴, в том числе речевыми ошибками и любыми непривычными или неизвестными словами и оборотами. Автор сообщения, посылаемого при помощи СМИ, должен учитывать массовый характер своего адресата, если только он действительно заинтересован в понимании читающим (слушающим) данного сообщения. Понимание же есть интерпретация новой ин-

¹ Даль В.И. Избранные произведения / Сост. Н.Н. Апопов. М., 1983.

Светлана Григорьевна Шейдаева — доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета, заведующий кафедрой теории языка и речевой коммуникации.

² Бунин И.А. Воспоминания. М., 2003. С. 290.

³ Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Докл. и сообщ. российских ученых. М., 1999. С. 125.

⁴ Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М., 1974. С. 18.

формации в терминах старой, известной полужанры.

Какие именно формы современного русского языка являются в настоящее время информативными для большей части населения России? По-видимому, те, которые обладают признаком общепонятности, а таких всего две – литературный русский язык (обработанная и имеющая высокий социальный престиж форма языка) и просторечие (ненормативная речь горожан). Использование носителями русского языка той или иной его формы «зависит прежде всего от образования говорящего, степени его культурности, характера профессии»⁵. Ясно, что создатели текстов массовой коммуникации должны отдавать предпочтение литературному языку как орудию и форме национальной культуры.

В литературном языке помимо стилистически маркированных (специфических, более узких по своему употреблению) единиц имеются и нейтральные, или межстилевые элементы. Как пишет В.В. Колесов, нормативным является именно «стилистически нейтральный элемент системы»⁶. Такие языковые единицы наиболее приспособлены для выполнения номинативной функции, поскольку, обозначая предмет речи, не добавляют к этому ничего лишнего и позволяют собеседнику быстро и точно идентифицировать предмет речи. О «красоте нейтрального стиля» писал и М.В. Панов. По его мнению, этот стиль «напоминает самую чистую, холодную, вкусную воду, в которой нет никаких примесей»⁷.

Однако некоторые журналисты из суетного желания произвести впечатление на публику предпочитают «поить» ее не этой чистой и вкусной «водой» (возможно, ее у них просто нет), а подкрашенной и сладкой «газировкой». В качестве заменителей общепонятных номинативных знаков используется устаревшая лексика, витиеватые перифразы, развернутые антропоцентрические метафоры и т.д. (в данной статье мы не будем касаться жаргонной лексики). В результате простое по содержанию сообщение, оформленное неоправданно усложненным языковым кодом, остается не воспринятым адресатом. «Количество энергии, необходимое для декодирования стилистического приема, во много раз превышает то, которое требуется для декодирования простого (не стилистического) сообщения»⁸.

Рассмотрим некоторые примеры. В одном из «спецрепортажей» ВГТРК «Удмуртия» сообщалось о школькем базаре, о том, что там было много желающих купить школьные учебники, или, как это было сказано корреспондентом, «страждущих заполучить вождеденные учебники» (17.08.01). Обратим внимание на

номинативные замены: вместо нейтрального желающие – «страждущие», вместо получить (или купить) – «заполучить», вместо желаемые (нужные) – «вождеденные». Стилистически нейтральным является здесь лишь ключевое слово «учебник», хотя и оно могло быть заменено на что-нибудь вроде «источник знаний».

«Всё-то у нас не веревка, а «вервие» – писал И.А. Бунин⁹. Об обыденных событиях корреспонденты республиканских СМИ любят говорить с повышенной экспрессией, отправляя в эфир больше информации о себе, нежели о предмете речи. Однако известно, что экспрессивный компонент семантики слова является продуктом не объективного, а оценочного восприятия и отображения действительности¹⁰. Неудачный (нарочитый) выбор номинативных единиц, а также ставший традиционным в публицистике иронический тон высказывания создают ненужный «шум» при получении сообщения. В результате слушатель (читатель) вместо ожидаемой объективной информации получает авторскую интерпретацию события.

Коммуникативной прозрачности зачастую недостает и спортивным репортажам. Например, передача «Время спорта» на телеканале «Удмуртия» перенасыщена «красивыми» заимствованными терминами из далеких от спорта сфер коммуникации. Так, решение спортивного судьи устойчиво именуется «окончательным вердиктом» (25.12.02), футбольное соревнование в родном для команды городе называется «домашней футбольной фиестой» (2.04.03), о спортивных качествах соревнующихся говорят, что спортсмены «проявляют свои кондиции» (16.04.03) и т.д. Четверка спортсменов часто называется кваттетом, в результате чего иногда возникает семантическое несогласование: «кваттет сильнейших замкнула Иванова» (22.01.03). Подобные нарушения правил семантической сочетаемости неизбежны, когда в устной речи говорящий вводит термин в новый контекст, однако в данном случае текст был прочитан «с листа» спортивным комментатором.

Неоправданному усложнению словесного кода немало способствует использование многословных (составных) наименований. Например, излюбленными оборотами ижевских спорткомментаторов являются следующие: говоря о возрасте спортсмена, обычно прибегают к сочетанию «возрастной ценз» (22.01.03), о забитом мяче – был «открыт лицевой счет» (2.04.03), о соблюдении спортивных правил – что спортсмен «следовал букве закона» (25.12.02) и т.д. Немало в спортивных репортажах замен прямых наименований следующими перифразами: о биатлоне – «союз быстрой лыжи и точной стрельбы» (21.01.03), о волае – «там занимались укрощением самого скоростного спортивного предмета» (21.01.03), о журналистах – «держал ответ перед пишущей и

⁵ Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2003. С. 249.

⁶ Колесов В.В. Функция и норма в литературном языке // Функционирование языка и норма. Горький, 1986. С. 5.

⁷ Панов М.В. Из наблюдений над стилем современной периодики // Язык современной публицистики. М., 1989. С. 15.

⁸ Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. С. 163.

⁹ Бунин И.А. Воспоминания. С. 269.

¹⁰ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 21.

говорящей четвертой властью» (19.03.02) и др. Слушатель, для того чтобы понять простое сообщение (сколько забито голов? какая команда выиграла?), вынужден сначала заниматься переводом с метафорического языка на общепонятный русский, а это удастся далеко не каждому, поскольку исходные номинации (судебные, банковские, музыкальные и другие термины и устойчивые обороты) взяты из специальных областей знания.

«Плетение словес» – любимое занятие и для авторов выпусков новостей на криминальную тему. Так, только в одном выпуске телепередачи «Опасная зона» (ТВК «Удмуртия», 12.04.2000 г.) были отмечены следующие случаи неудачного олицетворения: «На заднем сиденье авто возлежал телевизор»; «Десяти тысячам килограмм нержавеющей стали не удалось покинуть территорию завода»; «Серые дома, подвергшиеся нападению». В выпуске, следующем за этим (на другой день), о двери, которую взламывали воры, сообщалось следующее: «дверь все же не сдалась, как галантная дама» (13.04.2000). Еще пример из телепередачи новостей «Песочная 13»: давно не отремонтированные дома были названы «изголодавшимися по ремонту ижевскими пятиэтажками» (7.05.01). Насколько понятны для широкой публики такие информационные сообщения?

В отдельных случаях журналист-газетчик, уверенный в своем праве (и даже долге) писать каким-то якобы «своим особым стилем», сознательно культивирует его, создавая подчас совершенно невозможные для восприятия творения. Вот цитата из статьи, опубликованной в газете «Удмуртская правда»: «Сегодня, когда поступит к читателям этот номер газеты, у моего товарища по многолетней работе в “Удмуртской правде”, у моего друга по взглядам на жизнь, у моего соратника по политическим убеждениям и позициям, у моего единовеца по нравственным принципам, сегодня у него – банкет. Не просто хорошее застолье с друзьями. И не семейный праздник, собирающий близких и дальних родственников, не только отмечаемое вместе с большинством коллег личное торжество, тесно увязанное с работой коллектива. Сегодня у него банкет – та форма личностного праздника-торжества, в которой переплетаются и вышеназванные, но и их дополняют выражения признания общественной значимости события». (25.07.97) Здесь бесчисленные распространенные определения содержат неизбежные для таких текстов логические нестыковки слов, вроде «друг по взглядам» и «единовец по принципам». Из-за обилия повторных наименований, обозначающих один и тот же предмет речи, читатель с трудом улавливает мысль автора: у товарища, соратника, единовеца сегодня банкет, застолье, праздник, торжество, а точнее говоря, «форма личностного праздника-торжества». Далее в этой статье находим еще такие нагромождения слов, как «движение к поступательному развитию», «душевная система моральных и нравственных принципов», «неизбежное следование убеж-

денности», «через него она (газета) имеет влияние и отражение того жизненного пласта, который несет в себе целое поколение» и др.

Учитывая то, что основная часть населения российской провинции читает только местные газеты, тиражирование подобных текстов далеко не безопасно. Словесная муть, в которой слова высокие и низкие, абстрактные и конкретные, русские и заимствованные перемешаны в некую текстообразную массу, уничтожает всякий интерес к печатному слову.

Еще один тупиковый, на наш взгляд, путь, по которому идут некоторые журналисты в Удмуртии, создавая «самобытные» газетные статьи, лучше всего можно охарактеризовать снова словами И.А. Бунина, писавшего: «А какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглецов, мнящих себя страшными знатоками слова! Сколько поклонников старинного («ядренного и сочного») народного языка, словечка в простоте не говорящих, изнуряющих своей архирусскостью!»¹¹

Следующие примеры взяты из разных выпусков газеты «Известия Удмуртской Республики»: «Живет такой парень в поселке Позимь на завьяловской земле, а специальность пошел пытаться в четвертое училище» (№ 32, 2000 г.); «Что же пишут сегодня о дедах и прадедах, ратниках отечественной славы, сегодняшние очерки?» (№ 52, 2000 г.), «Далеко от рокадных дорог войны стоял Ижевск, но его погосты тоже густо засеяла военная погибель» (№ 52, 2000 г.). Еще пример такого же рода из газеты «Совершенно конкретно»: «Первыми в огниво посылали молоденьких солдатиков» (№ 5, 2000 г.).

На международной конференции «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования» (МГУ, 2001) отмечалось, в частности, что «демократизация стиля породила проблему свободословия. Серьезность мысли и красота речи заменены в иных текстах СМИ тем, что по-русски прямо называется трепом и болтовней»¹². Однако говорили участники конференции также и о том, что «слушатель, легко привыкший к дурному вкусу речи и музыки, давно тоскует по хорошей классической русской речи и музыке»¹³.

В республиканской печати в Удмуртии в последние два-три года заметны изменения в лучшую сторону. Если раньше можно было открыть любую газету и легко набрать много «отрицательного языкового материала» (термин Л.В. Щербы) для практического занятия по культуре речи, то сейчас это сделать не так-то просто. Видимо, действительно наступает новое время.

¹¹ Бунин И.А. Воспоминания. С. 291.

¹² Анушкин В.И. Стиль речи СМИ – стиль жизни общества // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докл. Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 г.) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. М., 2001. С. 5-7.

¹³ Там же. С. 6.